

РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

**Историко-
Библиографические
Исследования**

СБОРНИК
НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

Вып. 6

«ДОРОГУ ПРОЛОЖИТЬ, ГДЕ НЕ БЫЛО И СЛЕДУ»

(Радищев в русской библиографии XIX в.)

Имя одного из самых замечательных людей России — Александра Николаевича Радищева — вызывало глубокий интерес уже у его современников. С годами этот интерес все усиливался, тем более, что тут присутствовала некая тайна, полностью не разгаданная и поныне, несмотря на значительное количество исследований, концепций и просто легенд (последних накопилось больше всего).

Наша официальная наука титулует Радищева «первым русским революционером», очевидно, полагая, что каждый, претерпевший гонения властей, непременно должен быть сторонником революционных преобразований. Это — тоже одна из легенд, наиболее живучая, хотя в случае с Радищевым, к счастью, уже несколько поколебленная. Так, крупнейший историк нашего времени Юрий Михайлович Лотман в своей посмертно изданной книге «Беседы о русской культуре» утверждает, что после ужасов якобинской диктатуры произошел «основной поворот убеждений Радищева — педагогический. [...] Радищев не создал ни заговора, ни партии, ибо для просветителя XVIII века они представляются в принципе ложной дорогой»¹. Если отбросить всякие псевдомарксистские домыслы, то окажется, что книга Радищева — проповедь, обращенная к своему же классу, увещевание, на которое уповал этот приверженец разума, «ранний человеколюбец». Недаром столь чуткий ко всяким проявлениям революционности Герцен выпустил «Путешествие» Радищева под одной обложкой с сочинением М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», написанным с явно консервативных позиций, содержащим критику дворянства изнутри. Герцен справедливо полагал, что Радищев «написал серьезную, печальную, исполненную скорби книгу»². Тем не менее в глазах властей по традиции, идущей от перепуганной революционными событиями в Европе Екатерины II, «Путешествие из Петербурга в Москву» считалось книгой «возмутительной» и запрещалось к переизданию.

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII — нач. XIX в.). СПб., 1994. С. 260, 263.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 18. С. 178.

Опальная, почти полностью уничтоженная, эта книга дошла до следующих поколений стараниями русских библиофилов, тех, кто сумел добыть ее (что было неимоверно трудно) и не побоялся хранить (что было до второй половины XIX в. далеко не безопасно, вспомним рассказ Пушкина о том, как С. А. Соболевский извлек для него эту книгу, спрятанную за вполне невинными изданиями). Обладание сочинением Радищева было предметом гордости собирателей. В известной работе Г. Н. Геннади «Русские книжные редкости» (1872) названы имена этих счастливых: Н. П. Дуров, А. Д. Чертков и еще несколько человек. Книга имела, как уже отмечалось, у Соболевского, затем в библиотеке Пушкина (уникальный экземпляр с пометами Екатерины II, о ее существовании Геннади тогда еще не знал). Один экземпляр находился и в Императорской Публичной библиотеке. Даже такой удачливый «ловец книг», как М. Н. Лонгинов, в письме к Соболевскому (1854) буквально рыдает по поводу невозможности приобрести это сокровище. Но его ожидала еще большая удача: в 1856 г. при распродаже библиотеки сибирского золотопромышленника П. В. Голубкова он покупает рукописный список «Путешествия» с приложением оды «Вольность» и поэмы «Творение мира», вообще в то время никому не известной. Прочитав эти сочинения, Лонгинов тотчас написал для «Современника» статью «Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев (1749—1802)»³. Хотя книга оставалась под запретом, писать о самом Радищеве позволялось. Но вот заработал станок Вольной русской типографии, и крамольная книга была вновь напечатана.

«Знаменитый, уничтоженный палачом труд Радищева впервые публиковался после 68 лет запрета и изъятия, — пишет Н. Я. Эйдельман. — Трудно переоценить это событие, имея в виду уже отмеченную чрезвычайную недоступность, редкость книги. Именно с 1858 г. начинается новая, вторая жизнь «Путешествия...»⁴. Конечно, появление книги, исполненной антикрепостнического пафоса, накануне проведения крестьянской реформы (имевшей множество могущественных противников) было как нельзя более кстати. Но дело даже не в этом. Шло рассекречивание былого, возвращение имен, бывших долгое время одиозными в глазах властей (подобный процесс переживаем мы сегодня). Поэтому не столько идеи Радищева, как сам факт издания его книги имел большой

³ Современник. 1856. № 18. С. 147—152.

⁴ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М., 1973. С. 107.

общественный смысл. А еще важнее было бы издать ее на родине писателя. Известно, что издания Вольной печати быстро доходили до России и широко в ней распространялись. Но возможность напечатать в самой стране материалы о людях, преданных забвению или остракизму, означала бы победу над силами мрака, над теми, кого Лонгинов называл «свихами печати», над сфальсифицированной историей, долгие годы преподносившейся читателю. Радищев был, наряду с Новиковым, первым в этом ряду. Далее шел потаенный Пушкин, декабристы... Эту благородную борьбу начали и в течение двух, а то и трех десятилетий вели библиографы-библиофилы, — те, кто до этого долгие годы копил, сохранял, добывал (иногда с громадными усилиями) тексты, материалы, иконографию. Напомню еще и еще раз, что в функции библиографа-библиофила входила публикаторская и текстологическая деятельность и что одно и то же лицо (как, например, Лонгинов) сочетало в себе историка литературы и общественных движений, текстолога-публикатора, библиографа и собирателя-коллекционера. Подавляющее количество работ о Радищеве, подготовленных этими людьми, выполнено либо по материалам их собственных собраний книг и документов, либо по собраниям коллег (благородная традиция взаимовыручки была незыблема, — найденное одним становилось тут же достоянием товарищей по цеху).

Как уже говорилось, первый автор работы о Радищеве — Лонгинов. Тому несколько причин. Прежде всего, он имел «трибуну». Будучи закадычным другом Некрасова и Панаева и постоянным автором «Современника», он имел возможность тут же опубликовать все, что напишет. Специально для него в журнале был организован раздел «Библиографические записки», в котором в 1856 г. и была напечатана статья о Радищеве. Она благополучно прошла сквозь цензурные врата, хотя само «Путешествие из Петербурга в Москву» продолжало оставаться под запретом. Но вот в 1858 г. деятели книги получили собственный орган — журнал «Библиографические записки», основной целью которого как раз и являлось воскрешение запретного былого. В объявлении об издании журнала его первый редактор Александр Николаевич Афанасьев писал: «... разумеет ту библиографию, которая знакомит с живым содержанием редких, малодоступных изданий, которая выискивает драгоценные свидетельства, затерявшиеся в горах книжного хлама и сообщает их во всеобщее ведение, которая знакомит любителей с памятниками рукописной литературы и служит необходимым посредником

между учеными деятелями и наиболее замечательными библиотеками. История отечественной литературы особенно нуждается в подобном издании, откуда могла бы она заимствовать указания о судьбе различных литературных произведений и библиографические заметки об их авторах [...] Пора перестать делать из всего непроницаемую тайну, пора позаботиться об усвоении науке тех данных, которые еще пощажены всесокрушающим временем»⁵. Объявление составлено весьма ловко: цензуру успокаивают обещанием копаться в горах «книжного хлама», а читателю (русскому читателю, приученному читать между строк) достаточно ясно дают понять, что его ждут здесь фрагменты «тайной истории». Никто ещё не подозревал, какую изнурительную войну с цензурой придется выдержать журналу, в конце концов павшему под ее ударами... Но до этого пока было еще далеко. Материалов имелось такое множество, что этого не ожидал даже А. Н. Афанасьев, хорошо осведомленный о сокровищах, таившихся в частных библиотеках. И почти за каждое пришлось сражаться.

В ноябре 1858 г. воронежский литератор М. Ф. Де-Пуле, давний знакомый и земляк Афанасьева, прочитав в 17-м номере журнала «Записки Н. С. Селиванского»⁶, где говорилось и о Радищеве, спрашивал его, нельзя ли поместить более обстоятельные материалы об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву». «О Радищеве я уже думал, — отвечает ему Афанасьев, — но дело очень щекотливое в цензурном отношении: на первый раз пушу выписки из известной его книги, по поводу статьи Пушкина о Радищеве»⁷. Упоминаемая им статья хорошо известна пушкинистам. Автор ее — Е. И. Якушкин, соавтор — сам Афанасьев. Она представляет собою как бы рецензию на седьмой, дополнительный том анненковского издания, в котором опубликовано то, что при «Незабвенном» напечатать было невозможно⁸. Но и в нем встречались пропуски и неточности, и вот авторы «Библиографических записок», имевшие доступ к некоторым источникам, неизвестным Анненкову, заполняют эти лакуны. Статья большая: она печаталась в не-

⁵ Моск. ведомости. 1857. № 156. С таким же текстом выпущена отдельная листовка.

⁶ Библиогр. зап. 1858. № 17. Стб. 515—527.

⁷ Цит. по: Равич Л. М. А. Н. Афанасьев и журнал «Библиографические записки» // Сов. библиогр. 1971. № 6. С. 53. Подлинник письма находится в РО ИРЛИ: Ф. 568, № 119. Л. 2.

⁸ Пушкин А. С. Сочинения / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7, доп. 220 с. В этом томе публиковались стихотворные и прозаические произведения поэта, как правило, не издававшиеся до этого, в том числе и статья «Александр Радищев».

скольких номерах в течение двух лет — 1858 и 1859 г.⁹ Первая ее часть, где речь идет о стихотворных произведениях, не содержала в себе ничего особенно острого (имевшийся у Якушкина, полученный им от Пушкина, полный список стихотворения «К Чаадаеву» и «Послание в Сибирь» нечего было и думать представлять в цензуру, о чем Афанасьев и сообщает Геннади). Вторая же часть — «Проза Пушкина», опубликованная уже в 1859 г., можно сказать, полна Радищевым. Но сначала вернемся к воспоминаниям Селивановского, сына известного «типографшика» XVIII в., к которому и пришел Радищев со своей рукописью прежде чем решиться напечатать ее в тайной типографии на дому. Этот наивный рассказ привлекает своей искренностью. «Радищев с одобрением к печати рукописью пришел к отцу и отдал ее для издания, — пишет мемуарист. — Пробежав оригинал и поняв всю важность его содержания, батюшка оставил книгу. Является автор. Ему отвечают, что книги печатать не станут. Тот разгорячился, наговорил грубостей, как дворянин века Екатерины и автор, мастеровому — моему отцу; но тот отказался печатать и возвратил оригинал. Радищев смягчил тон и, расспросив о деле типографском и имея деньги, решил сам завести типографию, купил все нужное, повез в свою деревню, в Орловской или Рязанской губернии, и там издал книгу свою [...] Его взяли, судили, лишили всего... и сослали в Сибирь». Книгу же Радищева этот простой человек называет «замечательною по самому слогу и свободе мыслей»¹⁰. К сожалению, в журнале не указан публикатор воспоминаний Селивановского — они идут как бы «от редакции».

В этом же 1858 г., в 23-м номере помещена статья кн. Н. Голицына, тогда — начинающего библиофила и библиографа, — «Современные известия о Радищеве». «У нас очень мало писано о Радищеве, — так начинается эта статья. — Не более трех статей дала нам о нем русская литература: именно статьи Пушкина, Лонгинова и издателя «Путешествия из Петербурга в Москву» (1858) [т.е. — Герцена! — Л. Р.] К

⁹ По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина // Библиогр. зап. 1858. № 10. Стб. 307—317; № 11. Стб. 332—351; № 12. Стб. 366—369. Подпись Е. Я. и И. М-к; Проза А. С. Пушкина: Библиогр. замечания по поводу последнего изд. сочинений поэта // Там же. 1859. № 5. Стб. 129—148; № 6. Стб. 161—184. Подпись Е. Я. Подпись И. М-к принадлежит А. Н. Афанасьеву. (См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. М., 1957. Т. 2. С. 164).

¹⁰ Библиогр. зап. 1858. № 17. Стб. 518.

этим известиям неизлишне прибавить сведения, сообщаемые человеком, почти современным Радищеву, который говорит со слов современников и лиц, близко знавших его. Я разумею автора книги: *Russische Günstlinge*. (Tübingen, ... 1809; 8, VIII и 502 стр.) [Русские избранники]. Книга эта составляет величайшую библиографическую редкость и ненаходима в книжной торговле¹¹. Далее он подробно излагает все, что касается Радищева (к слову сказать, каким образом попал опальный писатель в число избранников, непонятно, тем более, что автор книги Г. фон Гельбиг в основном дает жизнеописание 110 действительно «случайных» людей и вообще знаменитостей века Екатерины). Книга, по мнению Голицына, очень интересная, и о Радищеве в ней сказано самым уважительным тоном. Между прочим, в примечании Голицын отмечает, что в Императорской Публичной библиотеке эта книга есть только на шведском языке (значит, она и в Европе вызвала большой интерес, если переводилась). Сам автор публикации чрезвычайно высокого мнения о Радищеве. Он пишет: «Молодой человек, учившийся на Западе, пропитанный идеями о равенстве, о высоком значении нравственности, или по тогдашнему: морали, о полноправности людей и т.п., не мог быть равнодушен к состоянию низшего сословия своего государства; в его книге высказался первый крик оскорбленного человеческого чувства...»¹² Этот молодой библиофил высоко оценивает Радищева и как писателя. Интересны и библиографические примечания к статье¹³.

Теперь обратимся к работе Якушкина «Проза А. С. Пушкина». Она имеет невинный подзаголовок: «Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта», но чего-чего там только нет! Тут и разговор с Пестелем об атеизме, и встреча с арестованным Кюхельбекером, и «Замечания о бунте», сделанные для государя и не предназначенные для печати, и многое другое. Но остановимся только на радищевских материалах. Они сосредоточены, в основном, в шестом номере журнала за 1859 г. «Особенно пострадала в печати, — пишет Якушкин, — статья, называющаяся «Мысли на дороге». Шесть глав из нее были напечатаны в посмертном издании, с выпусками, уничтожившими всякую связь между ними. Точно в таком же виде «Мысли на

¹¹ Библиогр. зап. № 23. Стб. 729. Обнаруженная Н. Н. Голицыным книга Гельбига впоследствии переведена на русский язык В. Бильбасовым и издана в Берлине в 1900 г. Даже в начале XX в. она не была разрешена к обращению в России.

¹² Библиогр. зап. 1858. № 23. Стб. 733.

¹³ Там же. Стб. 733—735.

дороге» перешли и в издание г. Анненкова. [...] мы считаем нелишним сказать несколько слов об авторе «Путешествия» и о взгляде на него Пушкина. Радищев представляется каким-то совершенно одиноким явлением в русской литературе XVIII столетия. Воспитанный за границею в то время, когда старый порядок вещей уже был осужден безвозвратно на гибель, автор «Путешествия» до такой степени проникся новыми началами, убеждением в необходимости преобразований и в их несомненную силу, что всякая уступка отживающему порядку вещей, всякая сделка с устаревшими понятиями стали для него невозможны. Ни один русский писатель XVIII века не представляет такого цельного характера. В то время, как другие, увлеченные сначала тем же умственным движением, стали мало-помалу мириться с действительностью, или вдалились в мистицизм — это убежище для утомленных борьбою, — Радищев сохранил прежнюю твердость верований, удивляя других «молодостью своих седи», как говорит о нем Пушкин. (В пушкинском тексте это отнюдь не комплимент. — Л. Р.) В «Путешествии из Петербурга в Москву» он до такой степени верен своему веку, что, разбирая его книгу, критик имеет дело не с личным взглядом автора, а с нравственными требованиями его времени.

Иначе смотрел на него Пушкин. [...] Не говорим уже о слабости возражений Пушкина, самая нетвердость его убеждений ставит его несравненно ниже Радищева, которого не останавливает никакой вывод...»¹⁴ Замечу, что это пишет страстный поклонник Пушкина, известный знаток его запрещенных текстов и отец знаменитого пушкиниста. Но здесь стояла задача — возвеличить подвиг Радищева, и ей подчинялось все. Далее идет подробный разбор каждой из главок «Мыслей на дороге», и каждый раз с такими словами: вот, мол, у Анненкова пропущено то и то, и под видом пушкинского текста приводятся громадные выписки из радищевского «Путешествия»: главы «Черная Грязь», «Клин», «Тверь», «Городня», «Медное», «Вышний Волочек». Тактика Афанасьева-редактора (и блестящего конспиратора) себя оправдала — «пустив» эти тексты в составе рецензии на седьмой том, он верно рассчитал, что цензура примет их за пропущенные Анненковым — и только. Так оно, очевидно, и получилось. Иначе невозможно объяснить появление столь обширных выписок из запретного сочинения. В том же 1859 г. в журнале опубликован интересный материал, сообщенный М. Н. Лонгиновым. Это две

¹⁴ Библиогр. зап. 1859. № 6. Стб. 161—173.

заметки: «Русские студенты в Лейпцигском университете в 1766—1770 годах» и «О последнем проекте Радищева 1802 года»¹⁵. Первая заметка представляет собою перечисление студентов с краткой их характеристикой. О Радищеве сказано: «Печальная повесть его жизни слишком знакома, чтобы здесь о ней распространяться», но вслед за этим идут люди, близкие писателю: Ф. В. Ушаков («Жизнь его написана Радищевым», — напоминает Лонгинов), А. М. Кутузов, которому посвящено знаменитое «Путешествие», и, наконец, М. К. Рубановский, на племяннице которого женился Радищев (и сестра которой последовала за ним в Сибирь и впоследствии стала его второй женой). Вторая заметка куда содержательнее. Здесь речь идет уже о «прощенном» Радищеве, пересказывается его известный разговор с П. В. Завадовским, в котором снова мелькнуло слово «Сибирь», но главное — это именно его проект. «Радищев, считая необходимым строгий и неподкупный контроль за действиями судов и чиновников, так часто потворствующих неправде, — пишет Лонгинов, — предлагал учредить тайное общество, которого члены были бы обязаны следить за отправлением правосудия, стараться исправлять или предупреждать несправедливые действия, и в случае надобности доводить о них до сведения высшего правительства. Подобную этому цель предполагали себе в 1818 году и члены «Союза благоденствия»»¹⁶ (далее для цензуры дается ссылка на официальный документ — «Донесение следственной комиссии»).

В 1860 г. «Библиографические записки» не выходили, а в следующем их взял на свое иждивение и редактуру В. И. Касаткин. Первый же номер возобновленных «Библиографических записок» открывался великолепным, прекрасно литографированным, большим (26 x 34 см) портретом Радищева. Насколько мне известно, это — первое в русской печати изображение опального писателя. За год до этого В. Р. Зотов, вознамеривавшийся поместить портрет Радищева в редактируемой им «Иллюстрации», получил категорический отказ от петербургского цензурного комитета. Каким образом это удалось Касаткину — непонятно. Но он вообще умел обходить цензуру. На портрете стоит разрешение цензора Гилярова-Платонова (между тем, в конце номера имеется отдельное разрешение, что еще раз подтверждает предположение о приоритете «Библиографических записок» в этом деле). Любопытно, что после этой публикации получил позволение и Зотов (был создан пре-

¹⁵ Библиогр. зап. 1859. № 7. Стб. 539—542.

¹⁶ Там же. № 7. Стб. 542.

цедент). Портрет, без сомнения, из библиотеки Касаткина. Как раз незадолго до этого ему удалось приобрести собрание гравированных портретов известного издателя XVIII в. Платона Бекетова; там были редчайшие, даже не выходявшие в свет пробные экземпляры. Судя по письмам Касаткина, он собрал большой материал о Радищеве и собирался посвятить ему несколько номеров журнала, которые и должен был украсить портрет; а в первом номере, на две трети посвященном Чаадаеву (что тоже было неслыханной удачей в борьбе с цензурой), Касаткин намеревался поместить портрет «басманного отшельника», но его не пропустила цензура. Почему портрет Радищева «прошел», а всем известный портрет Чаадаева — нет, совершенно непонятно. Но дальше Касаткина поджидали сплошные неудачи. Оставшийся чаадаевский материал цензура не пропустила, а радищевский — тем более. Дело в том, что у Касаткина скопились такие материалы о Радищеве, которые не удалось бы напечатать не только в те годы, но и много лет спустя: «судное дело», замечания Екатерины II на полях крамольной книги и другие документы, представлявшие государственную тайну. Был у него также полный текст оды «Вольность», вероятно, полученный от Лонгинова. Он также не подлежал опубликованию. Так что кроме портрета за весь 1861 г. в журнале не было опубликовано никаких радищевских материалов. В начале 1862 г. Касаткину пришлось бежать из России. Ему дали знать, что его ждет арест, и действительно: не успел он прибыть в Лондон, как вслед ему полетело повеление явиться на суд по «Делу о сношениях с лондонскими пропагандистами» (которое он, естественно, игнорировал). Но в эти же годы, когда круг «Библиографических записок» так увлеченно занимался Радищевым, появился еще один автор — сын писателя Павел Александрович Радищев, бедствовавший в Таганроге, уже немолодой и, по описаниям, несколько даже опустившийся человек. Тем не менее он единственный из сыновей Радищева хранил память об отце. В 1858 г. он написал и послал в «Русский вестник» биографическую статью о Радищеве, которая, как он того и желал, попала на рецензию к Лонгинову. Лонгинов сделал в ней множество исправлений, дополнений и снабдил примечаниями. В таком виде (в сущности — труд двух авторов) статья была напечатана в декабрьском номере журнала за 1858 г.¹⁷ Но на этом Лонгинов не оставил свои попечения.

17 Радищев П. А. Александр Николаевич Радищев // Рус. вестн. 1858. Т. 18. Дек., кн. 1. С. 395—432.

Из письма к нему Павла Александровича мы узнаем, что и в дальнейшем он делился с ним своими радищевскими материалами.

«Милостивый государь Михаил Николаевич, — пишет П. А. Радищев. — Я подал сегодня на почту Вашу рукопись, за которую Вас премного благодарю. Я в ней нашел стихотворение или маленькую поэму «Сотворение мира»¹⁸, еще нигде не напечатанную и которая в свое время присоединится к полному изданию всех сочинений автора»¹⁹. Письмо датировано 12 ноября 1861 г. К тому времени Лонгинов уже имел в своей библиотеке рукописного Радищева. Некоторые исследователи (Г. П. Шторм²⁰, в частности) полагают, что Лонгинов дал Павлу Радищеву и полный текст оды «Вольность», что весьма возможно. Но время для издания сочинений Радищева было уже упущено; наступали «крутые» времена: петербургские пожары, прокламации, арест Михайлова и Чернышевского, польское восстание и, наконец, выстрел Каракозова у ворот Летнего сада. Цензура свирепствовала. Только к концу 1860-х гг. обстановка начала несколько приходить в норму. Можно было снова подумать об издании сочинений Радищева. Напомним, что официальный запрет распространялся только на «Путешествие» (об оде «Вольность», куда более резкой, почти никто, кроме записных библиофилов, вообще не знал). П. А. Радищев обращался в Главное управление цензуры с ходатайствами о снятии официального запрета с «Путешествия», который, в сущности, после издания книги Герценом потерял всякий смысл. Но эти просьбы (в 1858, 1859 и 1865 гг.) упорно отклонялись. И тут произошло событие, которого никто не ожидал. Бойкий книгопродавец Н. А. Шигин на волне читательского интереса выпустил в 1868 г. без предварительной цензуры книгу Радищева, но с такими произвольными сокращениями, что, как считали современники, получилась совсем другая книга. Совет Главного управления цензуры, рассмотрев это издание, не нашел в нем ничего противозаконного и полагал возможным «ходатайствовать о высочайшем соизволении на отмену наложенного на сочинение Радищева запрещения, с тем чтобы новые его издания были подчинены общим правилам действующих ныне узаконений о печати»²¹. Царь согласился, и запрет был снят. Образованные

18 Речь идет о неоконченной поэме А. Н. Радищева «Творение мира».

19 РО ИРЛИ. Ф. Лонгинова, 123263. Л. 1.

20 Шторм Г. П. Потаенный Радищев. 2-е изд. М., 1968. С. 34.

21 Цит. по: Берков П. Н. К цензурной истории «Путешествия» Радищева // Радищев: Ст. и материалы. Л., 1950. С. 291—292.

люди, знавшие подлинный текст Радищева, были возмущены изданием Шигина, считая его «жалкой спекуляцией»²². Такого же мнения была журналистика. Негативный отклик на «выхолощенного» Радищева опубликован в «Отечественных записках»²³. Таким образом, издание Шигина, с одной стороны, как будто бы открывало дорогу «Путешествию», с другой же, как мы увидим далее, посеяло несбыточные надежды на возможность издания подлинного текста «Путешествия из Петербурга в Москву», подвигнув энергичного П. А. Ефремова на собирание и публикацию сочинений Радищева, стоившие ему не только многолетних трудов, но и крупнейших неприятностей. Это произошло уже в начале 1870-х гг. Важнейшими из этих публикаций были: «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске...» (Русская старина. 1871. Т. 4, № 9. С. 295—299); Заметка Н. А. Радищева о С. И. Шешковском (из Гельбига) (Там же. 1870. Т. 2, № 12. С. 637—639); Рескрипт А. Н. Самойлову о возвращении из Сибири А. Н. Радищева (Там же. 1882. Т. 36. С. 499). Но главным своим делом он считал издание полного Радищева, ставшее, по его мнению, уже возможным. Много лет собирал он для него материалы. Добыл и «Судное дело», и замечания матушки-царицы, и оду «Вольность», полагая, что все это с небольшими сокращениями уже можно печатать, хотя люди осмотрительные предупреждали его о несбыточности таких планов. Ефремов же не склонен был прислушиваться к мнению осторожных лиц. Его ободряло то обстоятельство, что официальный запрет с «Путешествия» Радищева как будто был снят. И вот в 1872 г. напечатаны два изящных томика, с портретом автора, под редакцией Ефремова — «Собрание сочинений» А. Н. Радищева. На издание тотчас был наложен арест, оно не было выпущено из типографии, а в 1873 г. после долгих дебатов в Совете по делам печати — уничтожено. Из 1950 экз., составлявших его тираж, Ефремову удалось спасти около десятка. Их он раздал самым близким друзьям, оставив два экземпляра себе. Для такой варварской акции потребовалось специальное постановление Комитета министров (от 9 мая 1873 г.). Установилось мнение, что к уничтожению книги приложил руку начальник Главного управления по делам печати, наш знакомый М. Н. Лонгинов (назначенный на эту должность осенью 1871 г.). Так думал и сам Ефремов, хотя до этого они были в наилучших отношениях, и Лонгинов

²² Лонгинов М. Н. Радищев и его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» // Рус. арх. 1868. № 11. Стб. 1811—1817.

²³ Отеч. зап. 1868. № 100. С. 196—200.

много сделал, чтобы помочь ему издать сочинения Рылеева — дело доходило до государя. Мнение о том, что именно Лонгинов был инициатором запрещения ефремовского Радищева, укрепилось в науке на целое столетие. И только недавно А. П. Толстяков, обратившийся к документам, установил, что важные решения в Главном управлении по делам печати принимались коллегиально и выразил сомнение в том, что Лонгинов проголосовал за уничтожение книги²⁴. Друг Ефремова Е. И. Якушкин, человек передовых взглядов, предупреждал его о несвоевременности этого издания, а когда произошло уничтожение тиража, писал: «Что Радищев будет сожжен, — я в этом нисколько не сомневался, я боялся только, чтобы Вас не опалило тем же огнем. Рад, что этого не случилось»²⁵. И действительно, при наличии в то время карательной цензуры, судебных и административных преследований Ефремов мог дорого поплатиться за свой героический поступок. То, что этого не случилось — несомненно заслуга Лонгинова, высоко ценившего собрата по библиофильству. Теперь и ефремовское издание стало библиографической редкостью. Поистине роковая судьба: ведь и легальное (без «Путешествия») издание 1811 г., предпринятое его сыновьями, почти полностью сторе́ло при пожаре Москвы! И только в 1888 г. — и то в «подарочном», роскошном, дорогом, малотиражном (100 экз.) издании А. С. Суворина «Путешествие», наконец, увидело свет. Почти сто лет потребовалось русскому печатному станку, чтобы снова воспроизвести текст, как будто бы уже давно утративший свой противоцензурный пафос!

Русские библиографы никогда не забывали о необходимости информации о произведениях Радищева, тем более, что официального запрета не существовало. Уже в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова «Путешествие из Петербурга в Москву» поименовано в ряду других книг того же жанра, между «Путешествием разума в Европейской области» и путешествием моряка Гаврилы Сарычева. Все сошло бы благополучно, если бы библиограф не поместил вслед за описанием данной книги отрывок из «Путешествия» — посвящение А. М. Кутузову. Эта — «радищевская» — страница была, как известно,

²⁴ Об этом см.: Книга: Исслед. и материалы. М., 1982. Сб. 44. С. 126—137.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 191, оп. 1, ед. хр. 451. Л. 69.

вырезана цензурой и сохранилась в незначительном количестве экземпляров. Бойкие антиквары даже продавали ее отдельно за весьма высокую цену²⁶. Можно считать, что до читателя она не дошла. Знали о ней только библиофилы. Одновременно с Сопиковым над всеобщим словарем российских писателей от начала образованности начал трудиться историк, эрудит, библиофил митрополит Евгений (Болховитинов). Понятно, что он не обошел вниманием и книгу Радищева. Более того! Поскольку словари писателей содержат, как правило, не только списки трудов, но и биографический материал, то здесь мы находим и сведения о трагедии Радищева (вероятно, первые в русской печати). Весьма сдержанно, без комментариев, рассказано о запрещении и уничтожении книги и о суде над автором и его ссылке. Работа над словарем, по всей видимости, закончилась уже к началу второй четверти XIX в., но Болховитинову никак не удавалось найти для нее издателя. Ему пришлось выбрать из словарей писателей «духовного чина» (среди которых, заметим, множество имен ранних русских и украинских просветителей) и издать отдельной книгой (1818). Здесь ему помогло его положение «князя церкви». Словарь же светских писателей, также вполне законченный, оставался в рукописи. Только через 8 лет после смерти преосвященного Евгения рукопись сложным путем попала к историку и издателю журнала «Москвитянин» М. П. Погодину, который и выпустил ее в 1845 г. Можно сказать, успел-таки, ибо вскоре наступило так называемое «мрачное семилетие» с его цензурным террором, и заметку о Радищеве безусловно запретили бы. Вот этот — 1845 год и следует считать началом радищевской библиографии²⁷.

Что касается литературы о нем, то таковой в русской печати тогда просто еще не было. Ведь даже статья Пушкина «Александр Радищев» не была напечатана в «Современнике» 1836 г., для которого она предназначалась. Первые труды об опальном писателе стали появляться лишь с падением николаевского режима. Самый ранний их список принадлежит перу С. Д. Полторацкого, который всю жизнь собирал материалы для грандиозного словаря русских писателей и ученых, но публиковался крайне редко и скупно, боясь пропусков и погрешностей, неизбежных при единоличной работе такого масштаба. Его библиографический мак-

²⁶ «Радищевская» страница воспроизведена во 2-м издании «Опыта...» См.: Сопиков В. С. Опыт российской библиографии... / Ред., примеч., доп. и указ. В. Н. Рогожина. СПб., 1905. Ч. 4. С. 163—164.

²⁷ Радищев Александр Николаевич // Евгений, митр. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 139.

символизм доходил до того, что он считал огрехи в библиографии равными ошибкам в таблице логарифмов. Большая часть его словаря осталась неопубликованной и хранится в рукописных отделах РГБ и РНБ. Время от времени (крайне редко) выпускал он в свет тоненькие тетрадки с фрагментами своего многолетнего труда. Одной из них была вызвавшая большой интерес как в России, так и в Европе библиографическая «вольтерiana» (Полторацкий даже во Франции считался первейшим знатоком Вольтера) под названием «Материалы для словаря русских писателей, собираемые Сергеем Полторацким. Т. 1, тетрадь 1. Русские переводчики Вольтера, 1790—1855» (М., 1858) с посвящением М. Н. Лонгинову. На странице седьмой, очень скромно, в примечаниях, перечислены все известные ему книги и статьи о Радищеве на всех языках. Это всего 9 названий. Но можно не сомневаться, это — все, что было. На точность сообщаемых Полторацким библиографических сведений можно положиться вполне.

Следующая библиография Радищева, составленная Лонгиновым, вошла в статью Павла Радищева, опубликованную в «Русском вестнике» в декабре 1858 г.²⁸ В дополненном виде она же напечатана в рецензии на книгу Радищева, изданную Шигиным²⁹. Лонгинов считал необходимым в противовес изданию, вводившему читателя в заблуждение, дать подлинные материалы о Радищеве, хотя бы в виде библиографических примечаний.

Во втором томе сожженного цензурой ефремовского Радищева помещен уже солидный библиографический список изданий писателя и литературы о нем: 57 назв. — вот как выросла радищевская литература за 12—13 лет. Это как раз были первые годы интенсивного изучения жизни и трудов опального писателя. Несмотря на то, что издание Ефремова было уничтожено и до читателя оно не дошло, библиографы и библиофилы о нем знали (а некоторые и имели), и библиография, составленная столь тщательно Ефремовым, не пропала. В ИРЛИ хранится любопытное письмо к Ефремову сына Е. И. Якушкина, известного пушкиниста и общественного деятеля Вячеслава Евгеньевича Якушкина. Он пишет: «В нынешнем году (1877 — Л. Р.) я буду работать над сочинением, которое озаглавлю «А. Н. Радищев и его время». При этом я пользуюсь тем неоцененным даром, который Вы несколько лет тому назад сделали моему отцу (речь идет о двухтомнике Радищева, пода-

²⁸ См. примеч. 17.

²⁹ См. примеч. 22.

ренном Ефремовым другу молодости. — Л. Р.). К находившемуся там библиографическому списку я в настоящее время могу сделать следующие дополнения»³⁰ (далее идет перечисление). Молодой ученый хочет убедиться, что он все учел, зная, что Ефремов не оставил занятий Радищевым, несмотря на пережитую трагедию.

Геннади, не обладая ефремовским изданием (как, вероятно, и другие библиографы), переписывает для себя библиографический указатель, составленный Ефремовым, и следит за всеми дальнейшими публикациями. Все это отражено в третьем томе его знаменитого «Справочного словаря о русских писателях и ученых» (с. 226—227), изданного после смерти Геннади А. А. Титовым. Так как работа Геннади создавалась за границей (первые два тома, как известно, вышли в Берлине, и Геннади не предполагал, что третий будет опубликован в России), то здесь есть весь бесцензурный Радищев — герценовское, ефремовское издание, известия из зарубежных источников и т.п. Этот том, первоначально печатавшийся в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских» в 1906—1907 гг., затем вышел отдельным изданием в 1908 г., т.е. почти через три десятилетия после смерти Геннади. Естественно, что к тому времени его радищевская страница уже устарела. Но для своего времени это была прекрасная библиография, и она венчает собою тот период в развитии книговедения и историко-литературной науки, который принято называть «библиографическим».

Именно в те годы, когда Геннади составлял свой словарь, над темой «Радищев и его время» начал работать молодой талантливый ученый В. Е. Якушкин. Внук декабриста, наследник идей круга «Библиографических записок», ученик и последователь своего отца, творчески использовавший собранные им документы (и, как мы видели, библиографию, составленную Ефремовым), он, собственно, суммировал и завершил то, что делали библиографы и библиофилы середины века. Их работы заложили фактологическую базу; работы Якушкина обогатили ее оригинальными концепциями. Недаром среди сотен его работ (один лишь список всего опубликованного им на страницах «Русских ведомостей» составляет около пятисот названий) особенно подчеркивалась значимость его статей и книг, посвященных

³⁰ РО ИРЛИ. Из собр. П. А. Ефремова, 2484. Письмо от 7 окт. 1877 г. Л. 2.

Радищеву³¹. «Он считался одним из лучших знатоков Пушкина и напечатал ряд работ, посвященных Пушкину и его эпохе: «Радищев и Пушкин» [и др.], — писал в некрологе П. Е. Щеголев³². «Он писал о Радищеве (прекрасная статья «Суд над русским писателем» в «Русской старине» 1882 г.)», — отмечает А. Е. Грузинский³³. «Русская литература привлекла к себе Якушкина как главный фактор освобождения народа: образ Радищева переносит Якушкина в изучение общественных движений конца XVIII и начала XIX века», — таково мнение академика А. А. Шахматова³⁴. Кроме этих известных ученых, на кончину Якушкина откликнулась буквально вся Россия: ведь он был не только прекрасным ученым, но и видным общественным деятелем, одним из основателей партии конституционных демократов. Он считал Радищева (так же, как себя и своих товарищей по партии) борцом за свободу. И это было действительно так. Они боролись за свободу слова, права человека, но не варварскими методами домогательств, а цивилизованными, реформаторскими, если так можно выразиться, шадящими... Не то думали о них представители власти. Г. П. Шторм обнаружил в архиве и опубликовал чудный документ — частное письмо московского обер-полицмейстера Третьякова (1902 г.). Этот бурбон пишет: «Радищев был социал-демократ (!), что в екатерининское время не могло быть терпимо. Якушкин же — революционер, и если ему до сих пор не свернули шею, то это только благодаря протекции сильных людей, за него заступающихся. Он в минуту Пушкинских торжеств произнес такую речь, за которую был выслан из Москвы»³⁵. Итак, в глазах полицейского чина Радищев не более и не менее, как социалист, а кадет Якушкин — революционер. После этого приходится призадуматься, точно ли мы, совре-

³¹ Назовем лишь основные из них: Суд над русским писателем в XVIII веке // Рус. старина. 1882. Т. 35; Радищев и Пушкин. М., 1886; «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева 1790 г. // Рус. ведомости. 1890. № 183. (К столетию выхода кн. Радищева); А. Н. Радищев // Там же. 1902. № 252, 259, 266; Радищев и цензура // Там же. 1905. № 321; Новые издания сочинений Радищева // Там же. 1907. № 3. (Рец. на первое Полное собр. соч. писателя). Заметим, что большинство этих работ опубликовано в издании, имевшем широкое хождение в стране.

³² День. 1912. 4 дек.

³³ Рус. ведомости. 1912. 7 дек.

³⁴ Там же. 5 дек.

³⁵ Шторм Г. П. Указ. соч. С. 225.

менники, употребляем эти термины. Следует еще и еще раз усомниться в правомерности привычных словоупотреблений.

После отмены цензуры в годы первой русской революции вышло в свет, наконец, действительно полное Собрание сочинений Радищева (1907 г.), вобравшее в себя все, что было сделано лицами, о которых шла речь в настоящей статье. Итак, «их дело не пропало». Строго говоря, все последующие поколения библиографов и исследователей опирались на то, что сделали наши библиофилы, не прибавив к этому ни одного важного документа³⁶. Конечно, появлялись работы, в которых излагались новые и интересные концепции, но материал был собран в основном героями данной статьи. Для наглядности перечислю их работы еще раз в хронологическом порядке.

1. Радищевский материал в словаре Болховитинова (1845).
2. Статья Лонгинова в «Современнике» (1856).
3. Первый библиографический указатель литературы о Радищеве, выполненный Полторацким (1858).
4. Воспоминания Селивановского, опубликованные в «Библиографических записках» (1858).
5. Публикация Голицыным материала о Радищеве из книги Гельбига (Там же. 1858).
6. Приобретение Лонгиновым списка «Путешествие из Петербурга в Москву» с одой «Вольность» и поэмой «Творение мира», которые он дает списать Павлу Радищеву и Касаткину (и, вероятно, другим) (1858).
7. Совместная работа Лонгинова и сына Радищева над биографией и библиографией писателя (Рус. вестн. 1858).
8. Статья Е. И. Якушкина «Проза Пушкина» с выписками из «Путешествия» и характеристикой Радищева (Библиогр. зап. 1859).
9. «О последнем проекте Радищева» Лонгинова (Там же. 1859).
10. Первая публикация портрета Радищева (Там же. 1861).
11. Рецензия Лонгинова на издание Шигина с подробной библиографией (1868).
12. Создание и уничтожение ефремовского двухтомника с приложением библиографии (1872—1873).
13. Статья и библиография Радищева в «Словаре» Геннади (выполнена не позднее 1879 г. и опубликована в начале XX в.).

³⁶ Если не считать издания переводов французских писем Радищева, выполненных, как известно, А. А. Ахматовой.

Итак, за неполных тридцать пять лет в условиях, которые отнюдь нельзя назвать благоприятными, группа энтузиастов проделала работу, на которую и по сей день опираются исследователи Радищева.